

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-46-50

МЕТАФИЗИКА КАК НАУКА В РАННИХ ТРУДАХ А.Ф. ЛОСЕВА

© *Андрей Юрьевич Смирнов*

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

andreysmirnov18@yandex.ru

Аннотация. Выявляются на основе анализа ранних статей и дневниковых записей А.Ф. Лосева творческие замыслы молодого философа по выработке базовых концептов метафизики как научной дисциплины. Метафизическая область человеческих познаний, согласно его воззрениям, опирается на обобщения из обобщений отдельных наук, поэтому не нуждается в эмпирической проверке, однако поэтому же ее развитие идет медленнее позитивных наук, вследствие чего оформление научной метафизики является делом очень отдаленных времен. Определяется близость идей А.Ф. Лосева такому самобытному отечественному философскому направлению как русская религиозная философия; рассматриваются причины, по которым мыслитель не мог публично продолжать своей творческой деятельности. Автор статьи приходит к выводу о том, что философская система А.Ф. Лосева, реконструируемая в наши дни, вполне укладывается в рамки русской метафизики конца XIX – начала XX вв. и является ее прямым продолжением.

Ключевые слова: метафизика, русская религиозная философия, А.Ф. Лосев, символизм, всеединство, «высший синтез».

Для цитирования: Смирнов А.Ю. Метафизика как наука в ранних трудах А.Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95. № 6. С. 46-50. doi: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-46-50.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Metaphysics as a science in the early works by A.F. Losev

© *Andrey Yu. Smirnov*

North Caucasus federal university, Stavropol, Russian Federation

andreysmirnov18@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of early articles and diary entries by A.F. Losev, the creative ideas of the young philosopher to develop the basic concepts of metaphysics as a scientific discipline are revealed. The metaphysical field of human knowledge, according to his views, is based on generalizations from the generalizations of individual sciences, therefore, it does not need empirical verification, but therefore its development is slower than positive sciences, as a result of which the design of scientific metaphysics is a matter of very distant times. It is shown the proximity of the ideas by A.F. Losev to such an original domestic philosophical direction as Russian religious philosophy. The reasons why the thinker could not publicly continue his creative activity are considered. It is drawn a conclusion that the philosophical system of A.F. Losev, which is being reconstructed today, fits perfectly into the framework of Russian metaphysics of the late 19th – early 20th centuries, and is a direct extension of it.

Key words: metaphysics, Russian religious philosophy, A.F. Losev, symbolism, unity, "higher synthesis".

For citation: Andrey Yu. Smirnov Metaphysics as a science in the early works by A.F. Losev. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 95. No 6. P. 46-50. doi: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-46-50.

Введение

В своей ранней статье «Русская философия» (1918 г.) А.Ф. Лосев писал: «Русская самобытная философия дала России гениальных мыслителей, в русской философии, находящейся под западным влиянием и отличающейся крайней бесплодностью (она почти не выходит за рамки теории познания), также имеется много одаренных личностей». Он выразил надежду на то, что последователи заимствованной философии поймут абстрактность и практическую

бесплодность своих трудов и признают, наконец, «великую русскую проблему Логоса», и это, не сомневался философ, приведет к «великой борьбе разума и Логоса», уже находящей свое выражение в учениях некоторых русских метафизиков: «Самостоятельная русская философия, поднявшаяся на высокую ступень апокалиптической напряженности, уже стоит на пороге нового откровения... Надежду на это питают все истинные русские» [5, с. 88].

А.Ф. Лосеву было тогда 25 лет, уже сформировавшись как философ, он видел открывающееся перед ним необъятное проблемное поле для исследовательской деятельности и намечал планы его разработки. Приведенную цитату, по всей видимости, следует считать общей стратегической программой и для самого молодого ученого. А.Ф. Лосев получил к этому времени прекрасное образование, окончил историко-филологический факультет Московского Императорского университета по двум отделениям – философскому и классической филологии, был направлен этим университетом в Германию в научную командировку и несколько позже оставлен в нем на кафедре классической филологии для подготовки к профессорскому званию. Но не только преподавательская стезя привлекала внимание А.Ф. Лосева, с юных лет его волновала проблема, ставшая центральной для русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв.: доказательство возможности обоснования научной достоверности метафизики, включения последней в круг научно-исследовательской проблематики.

Над этим доказательством он размышлял уже в 1912, своем втором году обучения в Московском университете. А.Ф. Лосев тогда писал, несомненно, причисляя самого себя к метафизикам: «...да, метафизика есть критика степени соответствия нашей мысли объективной реальности, потому что у нас тот же критерий, что и у позитивной науки. Но предмет этой метафизики гораздо сложнее предмета так называемых точных наук...». Он пояснял, что видит метафизику еще совсем молодой наукой, невзирая на то, что она существует многие века и даже тысячелетия, поэтому ей приходится учитывать только совсем небольшую часть законов, принципиально подлежащих ее ведению, а значит, говорить сегодня о невозможности для метафизики точных определений, которыми так гордится наука, поспешно. К тому же следует учитывать, что метафизическая область человеческих познаний опирается «на обобщения из обобщений отдельных наук, метафизика уже по одному этому не нуждается в эмпирической проверке, почему и идет медленнее этих наук, и если произвольная метафизика существовала во все времена, не имея определенных границ с мифологией, религией, наукой и искусством, то настоящая научная метафизика есть достояние грядущих времен, но времен очень отдаленных».

Обсуждение

Теперь же отрицать научность метафизики – так же «наивно и близоруко», как, к примеру, древнегреческим натурфилософам (физикам) «думать о невозможности таких колоссальных изобретений, которыми прославились XIX и XX века. Но греку это было извинительно, так как у него не было исторического опыта в науке. Для нас же это является по меньшей мере недомыслием, чтобы не сказать больше» [6, с. 76–77]. Прошло уже столетие, и нам снова приходится вдумываться в смысл слов юного гения и отстаивать его правду пред многими современными философскими авторитетами. Наступают ли сегодня «грядущие времена», достоянием которых философ видел настоящую научную метафизику? Конечно, еще не утекло столько столетий, сколько отмерила история между древними греками и XIX–XX вв., но ведь историческое время ускоряется, да и глобальные проблемы не дают нам столь большой отсрочки.

Решение проблемы «научности метафизики» открывало широкую методологическую дверь для «прорыва» в обосновании «святая святых» русской религиозной философии – концепта всеединства, из которого логически дедуцируется и идея «высшего синтеза», тревожившая А.Ф. Лосева с первых его шагов на научном поприще. В молодые годы он сформулировал ее следующим образом: «...высший синтез, понимаемый так, как я его понимаю, есть органическое соединение отдельных элементов знания и чувства в одном стройном

миросозерцании. Мне кажется, что мы достигнем счастья и ведения только тогда, когда примирятся четыре (так в тексте – *А.С.*) главные области психической жизни человека: религия, философия, наука, искусство, ... нравственность» [4, с. 17].

Будучи еще студентом, А.Ф. Лосев принимал участие в деятельности Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (с 1911 г.), что позволило ему познакомиться и обмениваться мыслями с людьми, ставшими сегодня легендой русских философии и литературы: С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком, П.А. Флоренским, Е.Н. Трубецким, Н.А. Бердяевым, Вяч. Ивановым и многими другими. (Отец Павел Флоренский даже венчал философа и его супругу в 1922 году). Если приемлемо такое понятие, то А.Ф. Лосева в ту пору вполне можно считать «младосоловьевцем». Внимательно изучая его жизнь и творчество в дореволюционные годы, мы, без всякого сомнения, придем к выводу: перед нами русский религиозный философ, достойный продолжатель дела своих великих учителей-соратников. Но произошла революция, и религиозной философии в России не стало, как, собственно, не стало и российской философии вообще, замененной советским марксизмом. (Хочется подчеркнуть, что автор не позиционирует себя в качестве огульного критика-отрицателя марксизма, в котором, как и в любом достойном философском учении, есть свои плюсы и минусы; диалектика философской системы требует наличия в ней противоречий. Здесь речь идет о догматизации в пределах страны только одной монополизированной философской доксы, жестоко вытесняющей всякие другие.) Величайшие мыслители России были или высланы из страны на «философском пароходе» и не только, или бежали из нее, или замолчали, или погибли в застенках и лагерях не терпящего инакомыслия молодого советского государства.

Но А.Ф. Лосев не бежал, хотя были возможности, и не замолчал, со сталинскими же лагерями познакомился. На наш взгляд, творчество мыслителя в советский период – уникальный, единственный пример в истории философии, когда представитель преследуемого властями направления в течение семи десятилетий, зачастую в условиях прямой травли, смог активно развивать и, главное, пропагандировать свои убеждения. Что же ему в этом помогало? Давняя страсть и предмет научных увлечений – символ. Именно символизм, отшлифованный им до алмазного блеска, позволял А.Ф. Лосеву доводить до заинтересованного читателя свои крамольные с точки зрения властей мысли, за немногие из которых в те годы наступала неумолимая расплата. Цензоры, в большинстве своем из числа «красной профессуры», просто не могли распознать лосевские «иносказания», до которых Эзопу было очень далеко.

Но публикации и даже известность А.Ф. Лосева – это уже после «оттепели», после 50-х гг., 20–50-е же годы ознаменованы борьбой философа за право высказаться, без которого А.Ф. Лосев не мыслил своей жизни. Он писал своей супруге из лагеря, куда попал по формальному обвинению (и ведь правильно, нужно сказать, с точки зрения «буквы закона» того времени обвинили, но А.Ф. Лосев просто не мог поступить иначе, когда представилась такая возможность) в несогласованной вставке текстов в разрешенную к публикации «Диалектику мифа»: «Я задыхался от невозможности выразиться и высказаться, этим и объясняются контрабандные вставки в мои сочинения после цензуры, и в том числе (и в особенности) в “Диалектику мифа”. Я знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя превозмогает всякие соображения об опасности» [8, с. 28].

В не очень долгой, к счастью для отечественной мысли, лагерной изоляции, в которой А.Ф. Лосев не прекращал напряженной философской работы, ему, нужно полагать, стало предельно ясно, что философии в России не стало, осталось только марксистское учение. Куда же пойти совестливому, оригинально мыслящему философу, не желающему терять связи с подлинно интеллигентной общественностью? А.Ф. Лосев-философ официально стал заниматься почти исключительно филологическими проблемами, благо его «второй профессией» была классическая филология. Но отметим, что этот шаг не противоречил центральной идее мыслителя – идее высшего синтеза человеческих знаний и чувств.

А.Ф. Лосев много работал на преподавательской ниве и писал, писал, писал, по большей части – «в стол», для будущего. Многие его работы до сих пор не изданы. Научной деятельно-

сти он подчинил всю свою жизнь. В 1929 г. Алексей Федорович и его верная спутница жизни, жена Валентина Михайловна приняли монашеский постриг от архимандрита о. Давида, приняв новые имена Андроника и Афанасии. (Отец Давид был выслан за имяславские воззрения с Афона перед I Мировой войной, но имел разрешение служить в некоторых приходах Москвы. Имяславие А.Ф. Лосева требует отдельного разговора, но кратко отметим, что приверженность философа к этому направлению православной мысли закономерно следует из важнейшей формулы имяславия: «Имя Божие есть Сам Бог, но Бог не есть имя». Разве символист может с этим не согласиться?) Что явилось причиной этого – глубокая вера супругов, стремление отвлечься от жизненных соблазнов для главного «умного делания» или отречься от «мракобесия» внешней действительности? Вернее всего, видимо – синтез всех этих причин.

По свидетельству А.А. Тахо-Годи, А.Ф. Лосева часто выручало безупречное знание работ классиков марксизма, которых он знал лучше и глубже своих многочисленных оппонентов. Вовремя употребленная цитата, интерпретированная применительно к остроте текущего дискуссионного момента, выбитое из рук противников их же главное оружие, ввергала их в долгое оцепенение, нередко спасая научную репутацию и даже жизнь великого философа.

А.Ф. Лосев, рассуждая об объективности научного исследования, в которой метафизике в то время единогласно отказывали, часто приводил образ древесного клопа, например: «История науки. Для нас важен и древесный клоп. Все надо изучать» [7, с. 302]. Почему именно древесный клоп, – случайно, для метко-образного выражения мысли? Представляется, что, принимая в расчет безупречную логику, всегда свойственную философу, о случайностях говорить не к месту. Не имел ли в виду А.Ф. Лосев методологического предтечу марксистской диалектики, Г. Гегеля, о котором Ф.М. Достоевский говорил: «Гегель, немецкий клоп, хотел все примирить на философии»? И еще: «Все можно сказать о всемирной истории, все, что только самому расстроенному воображению в голову может прийти. Одного только нельзя сказать – что благоразумно. На первом слове поперхнешься» [1, с. 108–109]. И не только Г. Гегеля, но и сонм мыслителей, не только отечественных, но и зарубежных, философия которых «почти не выходит за рамки теории познания», а потому отличается «крайней бесплодностью» в отношении практически-жизненной действительности?

Гносеологические приоритеты философии, как известно, явились прямой и проторенной дорогой к гипертрофированному индивидуализму и социальному эгоизму. Клоп – животное крайне эгоистическое, совсем не общественное, это во-первых; во-вторых, он живет за счет других особей. Чем не символ и индивидуалистической философии, и марксистской идеологии, которая на практике, как оказывается, тоже эгоистична, в ней явно выражается эгоизм пролетариата, эгоизм философского учения, эгоизм преобразовательной деятельности («Нам незачем ждать милостей от природы...»), – иначе, эгоцентризм человека, потерявшего Бога. Кем же станет такой человек? По А.Ф. Лосеву – древесным клопом, которого следует все же понять и вернуть на забытую им дорогу, поскольку люди могут потерять Бога, но Бог человека – никогда.

Выводы

Эрудиция и память А.Ф. Лосева поражают. Он знал множество языков, как древних, так и современных, помнил наизусть многие тексты, будучи уже почти слепым, по ночам составлял в голове будущие произведения с тем, чтобы в течение дня диктовать их своим «секретарям». Философ оставил в отечественной и мировой мысли величайший творческий след, до конца еще не понятый и не «расшифрованный». Кем был А.Ф. Лосев – философом, филологом, искусствоведем? В.А. Канке, учебник философии которого, пожалуй, является сегодня самым популярным и издаваемым, отмечает: «Алексей Федорович Лосев соединил в своей системе три философские составляющие: феноменологию, диалектику и символизм» [2, с. 146]. Только ли три этих, безусловно, важных для мыслителя составляющие характеризуют его многогранное творчество? На наш взгляд, в этих действительно верных характеристиках творчества философа отсутствует главное и определяющее все эти философские составляющие – метафизика.

В.С. Соловьев являлся наиболее почитаемым А.Ф. Лосевым философом, которого по праву считали и считают создателем первой в России философской системы: «Соловьев создал свою собственную независимую систему философии. Это случилось в России в первый раз... Соловьев начал первый писать не о чужих мнениях по вопросам философии, а об этих самых вопросах и стал их решать по существу, независимо от всяких мнений, – вследствие этого он сделался первым представителем уже не отраженной иностранной, а настоящей русской философской мысли... Соловьев был первым русским действительно самобытным философом, подобно тому, как Пушкин был первый русский народный поэт» [3, с. 153–154]. Первая независимая система российской философии, основание которой было положено В.С. Соловьевым, сегодня носит название русской религиозной философии или реже – русской метафизики. Думается, вполне позволительно включить имя А.Ф. Лосева, наряду со многими достойнейшими именами, в блестящий ряд продолжателей дела В.С. Соловьева, в число великих русских метафизиков.

Список источников

1. *Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
2. *Канке В.А.* Философия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов. М.: Логос, 2001. 593 с.
3. *Лопатин Л.М.* Философское мировоззрение В.С. Соловьева // Философские характеристики и речи. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 496 с.
4. *Лосев А.Ф.* Высший синтез как счастье и ведение // Высший синтез. Неизвестный Лосев. М.: ЧеРо, 2005. С. 13–33.
5. *Лосев А.Ф.* Русская философия // Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. С. 78–101.
6. *Лосев А.Ф.* Этика как наука // Высший синтез. Неизвестный Лосев. М.: ЧеРо, 2005. С. 60–80.
7. *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
8. *Тахо-Годи А.А.* Философ хочет все понимать // *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Академический Проект, 2008. С. 5–28.

References

1. *Gulyga A.V.* Russian idea and its creators. M., 2003. 448 p.
2. *Kanke V.A.* Philosophy. Historical and systematic course: Textbook for universities. M., 2001. 593 p.
3. *Lopatin L.M.* Philosophical worldview of V.S. Soloviev // Philosophical characteristics and speeches. Minsk, M., 2000. 496 p.
4. *Losev A.F.* Higher synthesis as happiness and knowledge // Higher synthesis. Unknown Losev. M., 2005. P. 13–33.
5. *Losev A.F.* Russian Philosophy // Passion for Dialectics: Literary Reflections of a Philosopher. M., 1990. P. 78–101.
6. *Losev A.F.* Ethics as a science // Higher synthesis. Unknown Losev. Moscow, 2005, pp. 60–80.
7. *Takho-Godi A.A.* Losev. M., 2007. 534 p.
8. *Takho-Godi A.A.* The philosopher wants to understand everything // Losev A.F. dialectic of myth. M., 2008. P. 5–28.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.